

Сокуров

Александр

28 февр. 2001

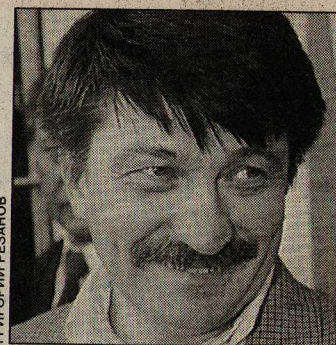
Александр СОКУРОВ:

Известия. - 2001. - 28 февр. - с. 17

Мне жалко Ленина

В Санкт-Петербурге состоялся первый показ кинематографической общественности нового фильма Александра Сокурова «Телец».

Замысел фильма возник после «Молоха» — фильма о Гитлере. Умиравший, обессиленный Ленин (его, как и Гитлера в «Молохе», играет Леонид Мозговой) цепляется за жизнь, на смертном одре слушая «Уложение о телесных наказаниях в России». Он ищет «самое главное» — точку опоры, спасения от созданной им же действительности. Жалкий тиран, верящий в «единственную точку опоры — насилие», признается Сталину: «Мы уже давно одного роста». В той «одинаковости» — эстафета, преемственность вождей: слабеющего и набирающего силу. Почти монохромный по цвету, с как бы замедленным временем фильм, «фиксирует» мучительное разрушение личности. И идеи. Подробный разговор о фильме впереди. Интервью, которое дал режиссер корреспонденту «Известий», можно считать вступительным словом к нему.

ГРИГОРИЙ РЕЗАНОВ

— Зритель почти ничего не знает о времени умирания вождей: даже фотографии того периода хранились под грифом «Секретно». Чего больше в фильме — документальности или художественного вымысла?

— «Телец» — художественное произведение, и, создавая его, мы не стремились ни к докумен-

тальности, ни к правде. Правда меня не интересовала.

— Вы имеете в виду правду историческую, подтвержденную документами?

— Конечно.

— Ленина в фильме жалко. Зачем вам этот мотив?

— Мне Ленина было жалко всегда — и когда его прославля-

ли, и когда его охаивали. Ну разве можно не жалеть человека, который на самом деле так мучился, и был сам себе палачом. Сам себе, понимаете! Каждый человек в определенной мере таковым является — редко кто из нас распоряжается своей судьбой разумно. Даже когда пытается жить достойно, даже когда идет вроде бы по верному пути. Он такой же человек, как и все.

(Окончание на 8-й стр.)

Александр СОКУРОВ:

Мне жалко Ленина

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Но разве можно жалеть человека, который был тираном не только самому себе, но и миллионам, жившим одновременно с ним и живущим после?

— Пусть его накажет Бог. Бог и наказал. А мы пойдем старость, болезнь и страдание. А за все остальное спросим не мы с вами, и отвечать ему не нам.

— Потому в фильме единственно «резкие» кадры среди «размытой», с нефокусированными кадрами съемки всей ленты — финальные, где черно-голубое грозное небо?

— Да.

— Человек, «живущий с гвоз-

дем в затылке» и умирающий, едва только гвоздь вытаснен, — это «национальная идея» коммунистических поколений?

— Комментировать таким образом эту фигуру слишком резко. В сценарии, возможно, она имеет такой программный смысл, но в фильме — нет. Во всяком случае я такой задачи не ставил. Ответом на вопрос о национальной идее является вся картина. А «гвоздь в затылке» — черта характера, игра мысли героя.

— Задумывая «Тельца» и позже, работая над картиной, вы «сверялись» с политической ситуацией в России, которая менялась?

— А я, честно говоря, не вижу

изменений. В этом признании нет неудовольствия, равно как и радости — просто я много работаю, и у меня нет возможности читать газеты, смотреть телевизор... Я даже не все понимаю, что происходит вокруг.

— Вы не только режиссер, но и оператор картины. Без этой, двойной, нагрузки было бы не обойтись?

— Вообще во всех предыдущих фильмах я так или иначе какие-то фрагменты сам снимал, сам определял композицию, цвет и свет. «Телец» был для меня особенно трудным: он очень сложен и психологически, и актерски. Идет съемка, я договариваю с актерами текст, гля-

дя в камеру. Предлагаю им какие-то движения, мизансцены... Так было с каждым кадром. Ничего хорошего в этой «двойной нагрузке» нет. Но и другого выхода — тоже.

— Вы давно знаете «Ленфильм», дружите с ним. Студия меняется нынче, вас радуют эти изменения?

— Меня радует то, что студия выжила и не изменила своего профиля, своего лица — то есть не изменила себе. «Ленфильм» продолжает оставаться студией, которая близка к литературе, к камерной художественной форме в большей степени, чем «Мосфильм». Здесь, именно здесь, Козинцев сделал великих

«Короля Лира» и «Гамлета»... Мы продолжаем начатое. Ничего особенно нового нет, и это, наверно, неплохо.

— Вы начинаете новую работу на «Ленфильме», упомянув, что она будет еще более сложной — не технически, но психологически. Гитлер и Ленин уже были. Дальше Сталин, Мао?

— Нет-нет. Это будет картина о востоке, о восточном персонаже. Автор сценария снова, как и в «Тельце», Юрий Арабов. В нынешнем году мы займемся только сценарной работой, а через год, надеюсь, начнем съемки.

Юлия КАНТОР,
Санкт-Петербург